

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.3

EDN: DEGCHG

А. В. МЕРЕНКОВ¹, И. Г. ПОЛЯКОВА¹

¹ ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МОТИВАЦИИ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА¹

Аннотация. Проблема увеличения рождаемости в России является одной из важных, определяющих направленность демографической политики государства. Достижения современной медицинской науки предлагают разные технологии, позволяющие мужчинам и женщинам, не имеющим возможности по медицинским показаниям стать родителями, обрести такую возможность. В статье рассматриваются теории, раскрывающие сущность и содержание потребности человека продолжить себя в следующих поколениях с использованием такой технологии, как суррогатное материнство.

Исходя из методологии анализа конкретных социальных явлений на основе общей теории детерминации человеческой деятельности прежде всего рассматриваются имеющиеся в социологии и психологии представления о роли внешней и внутренней необходимости, потребностей в формировании мотивации обращения к суррогатному материнству (А. Здравомыслов, А. Меренков). Отмечается ведущая роль инстинкта человека продолжить себя в следующих поколениях. Влияние потребностей в становлении мотивации человеческого поведения анализируется на основе теоретических положений (Г. Арефьева, А. Бандура, А. Маслоу, А. Леонтьев), раскрывающих процесс сознательного поиска индивидами способов удовлетворения потребностей, исходя из имеющихся возможностей. Появление медицинской технологии рождения ребенка с помощью женщины, организм которой, получив чужой генетический материал, способен выполнить эту функцию, формирует совокупность разных мотивов заказчика и исполнителя этой задачи. Теория социального капитала П. Бурдьё позволяет выделить совокупность экономических, социальных, культурных условий, определяющих содержание внешних и внутренних факторов, побуждаю-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01035, <https://rscf.ru/project/23-28-01035/>

ших к возникновению системы взаимодействия между этими социальными субъектами. Конкретные мотивы в появлении своих детей раскрываются в исследованиях У. Миллера, Д. Фридмана, Дж. Гринберга. Основой для исследования мотивации женщин, выступающих в качестве суррогатных матерей, являются работы П. Бергера, Т. Лукмана, М. Фуко, изучавших современную культуру использования человеком своего тела для реализации различных потребностей. При этом у суррогатной матери могут возникать разные формы идентификации себя с рожденным ребенком. Анализ их противоречивости осуществляется на основе концепций идентичности М. Хайдеггера, Э. Эриксона, Э. Гидденса, Ж. Тошечко.

Делается вывод, что использование совокупности теоретических подходов к выявлению социокультурных факторов, влияющих на мотивацию суррогатного материнства, обеспечивает квалифицированное проведение эмпирических исследований, выявляющих специфику применения данной вспомогательной репродуктивной технологии в нашей стране.

Ключевые слова: мотивация; теории мотивации; родительство; вспомогательные медицинские технологии; дети; потребность в собственных детях; суррогатное материнство.

Для цитирования: Меренков А.В., Полякова И.Г. Теоретические подходы к изучению мотивации суррогатного материнства // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 3. С. 49–69. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.3 EDN: DEGCHG

Введение

Демографические проблемы в целом и бесплодие в частности остаются одним из главных вызовов современности. По данным ВОЗ, бесплодными являются 15–20% пар репродуктивного возраста, но достоверные данные в этой области отсутствуют как в мире, так и в России в связи со сложностью проведения исследований. В настоящее время в России активно обсуждается возможность полного либо частичного запрета на суррогатное материнство. Так, Федеральным законом от 19.12.2022 № 538-ФЗ введен запрет на использование на территории Российской Федерации института суррогатного материнства для иностранных граждан и лиц без гражданства. В то же время на официальном сайте Российской ассоциации репродукции человека (РАРЧ) опубликована позиция этой организации по суррогатному материнству от 11.02.2022, в которой говорится, что запрет суррогатного материнства противоречит праву человека на медицинскую помощь. Там же приведены обращения тех пациенток, которые категорически возражают против запрета суррогатного материнства.

Развитие вспомогательных репродуктивных технологий дает шанс многим людям стать родителями собственных детей. Так, по данным отчета регистра вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) Российской ассоциации репродукции человека, ежегодно в России

с помощью суррогатных матерей появляются на свет порядка 800 младенцев (в регистр ВРТ РАРЧ входят далеко не все репродуктивные центры страны). К сожалению, достоверно учесть всех детей, рожденных путем суррогатного материнства в России, невозможно.

С одной стороны, данная медицинская технология, достаточно активно применяемая в разных странах мира, позволяет обрести радость родительства определенной части семейных пар, бездетным мужчинам и женщинам. С другой стороны, институт суррогатного материнства вызывает ряд этических, юридических, психологических и социальных проблем. Они вызваны тем, что данный способ рождения человека является самым сложным видом вспомогательных репродуктивных технологий с точки зрения как взаимодействия всех, кто включен в данный процесс, так и отношения разных социальных групп к этому средству решения демографических проблем в конкретной стране. На протяжении длительного времени в этом процессе требуется физическое участие женщины, согласившейся по разным причинам стать суррогатной матерью [22]. Как суррогатные матери, так и реципиенты находятся в сложной морально-этической ситуации и на стадии принятия решения, и далее, в процессе беременности, родов и определения прав на ребенка. Мотивация суррогатных матерей в наибольшей степени подвержена влиянию общественных представлений о допустимости таких практик [46].

В мировом сообществе к настоящему времени не возникло единства в отношении к практике суррогатного материнства. В одних странах (Франция, Германия) оно запрещено, в других (Великобритания, Греция, Израиль) разрешено только суррогатное материнство, мотивом которого является альтруизм, желание помочь бесплодным парам стать родителями своих детей. Запрет, как правило, обусловлен предполагаемыми физическими или психологическими рисками как для суррогатных матерей, так и для детей, рожденных в результате суррогатного материнства [33]. В национальных законодательствах существуют различные подходы к определению, кому принадлежат приоритетные права в ситуации суррогатного материнства. Например, в России суррогатная мать не только выступает в роли «гестационного курьера»², но и имеет права на ребенка, и ее решение приоритетно. Отмечается, что в нашей стране есть значительные пробелы и недостатки в законодательстве, касающемся суррогатного материнства, особенно защиты прав детей. Государственное законодательное регу-

² Понятие, введенное ВОЗ и призванное заменить понятие «суррогатная мать». «Гестационным курьером» обозначают женщину, вынашивающую и рождающую ребенка с помощью ЭКО, материал для которого предоставляют оба будущих биологических родителя или третьи лица в случае нездоровья первых. — *Прим. ред.*

лирование суррогатного материнства является приоритетной задачей [25].

В дискуссиях об этике суррогатного материнства вопрос о мотивации суррогатных матерей часто выходит на первый план, особенно когда речь идет о двух внешне противоположных моделях суррогатного материнства: альтруистической, которая преобладает в большинстве западных стран, и коммерческой, которая больше распространена в развивающихся странах. Существует следующая дилемма: с одной стороны, есть вероятность, что суррогатные матери, которые руководствуются финансовыми мотивами и вступают в коммерческие отношения с предполагаемыми родителями, будут более склонны подвергать риску здоровье плода или прибегать к шантажу. С другой стороны, возможно, что суррогатные матери, которые руководствуются альтруистическими мотивами, сами станут жертвой эксплуатации со стороны бесплодных пар [54].

Суррогатное материнство в репродукции человека — относительно новое и малоизученное явление. Исследование данного феномена требует выделения совокупности факторов, влияющих на этот процесс. Они включают как природные законы воспроизводства человека, так и нормы, правила организации деятельности по созданию условий для рождения потомства у людей, сталкивающихся с диагнозом бесплодие, но испытывающих потребность в рождении собственных детей.

Цель данной статьи — анализ и обоснование основных теоретических подходов к изучению совокупности социокультурных факторов, определяющих мотивацию суррогатного материнства у главных его субъектов: заказчиков (супружеские пары, одинокие женщины или мужчины) и исполнителей, то есть женщин, которые становятся суррогатными матерями.

Для реализации поставленной цели требуется обосновать выбор теорий, позволяющих раскрыть воздействие социокультурных факторов на мотивацию людей при решении об использовании суррогатного материнства. Одним из исходных факторов, влияющих на поведение человека, является совокупность *потребностей*, которые он стремится реализовать. Их содержание определяется организацией общественной жизни, нормами и правилами культуры. Все это обосновывает необходимость рассмотреть *теории формирования мотивации на основе потребности стать родителями* у тех, кто не может ее реализовать обычным способом.

Кроме того, подобного анализа требует и мотивация женщин, готовых стать суррогатными матерями. Их решение определяется совокупностью особых по направленности и содержанию потребностей, экономическими, социальными, культурными условиями жизни, представлениями о возможности распоряжаться своим телом таким образом.

Существует необходимость анализа *теорий о человеческом капитале*, на основе которых исследуется его содержание у всех участников реализации технологии суррогатного материнства. Анализ экономического, культурного, социального капитала позволяет уточнить содержание мотивов, определяющих обращение людей за помощью к специалистам по данной репродуктивной технологии.

При рождении ребенка с помощью суррогатного материнства возникает еще одна социальная проблема: кому принадлежит этот ребенок, кто имеет право определять его настоящее и будущее? Следовательно, есть необходимость в рассмотрении *теорий, позволяющих исследовать культуру взаимодействия* как тех, кто предоставляет генетический материал для зачатия, так и тех, кто обеспечивает вынашивание и рождение ребенка.

Базовые побудители: потребности и мотивы

Изучение влияния социокультурных факторов на мотивацию сторон суррогатного материнства основано на *общей теории системы детерминации* человеческой деятельности. Исходным побудителем действий людей во всех науках о человеке считается потребность. Она трактуется как побуждение к тому, чтобы получить то, что необходимо для повседневной жизни [13, с. 5–6]. А.Г. Здравомыслов связывает потребность с необходимостью: «Потребность можно определить как непосредственное выражение необходимости в чем-то субъективно, она есть то, что требует своего удовлетворения, благодаря чему выступает исходной причиной деятельности» [10, с. 164].

Психологи и социологи сходятся в том, что поведение человека в значительной степени зависит от тех условий, в которых он находится. Они выступают в качестве *внешней необходимости*, так как представляют собой совокупность материальных возможностей, социальных норм и правил, которые следует выполнять, чтобы индивид был принят обществом. Так, роль социального окружения в поведении людей отмечается в работах зарубежных исследователей [31; 47; 49; 52]. Когда человек *вынужденно* принимает требования общности или отдельных индивидов, у него не возникает активность, направленная на полную их реализацию [48], чтобы вести себя в соответствии с ожидаемой группой культурной нормой [35; 39]. Индивид формально выполняет определенные обязанности, общественные пожелания [43]. Этим, в частности, объясняется не очень высокая эффективность стимулирования рождаемости двух детей и более с помощью материнского капитала, так как не сформировалась личная потребность родить следующего ребенка [5].

Формирование этой потребности происходит под воздействием *внутренней необходимости*. Ее особенностью является то, что она, во-первых, выражает индивидуальные склонности человека к опре-

деленной деятельности, во-вторых, непосредственно вызывает активность, направленную на создание, использование того, что обеспечивает существование и развитие социального субъекта [16]. Под влиянием внутренней необходимости возникает *потребность* как побуждение к деятельности, в частности, направленной на использование технологии суррогатного материнства.

Потребность рассматривается А. Маслоу как *основа мотивации*: «Проявление частного мотива практически всегда зависит от общего удовлетворения потребностей организма» [14, с. 65]. Сама потребность трактуется А. Маслоу как совокупность желаний, возникающих у человека в конкретной ситуации [14, с. 65].

Потребность при условии ее осознания ведет к постановке цели. В ней представлен образ конечного результата, которым является будущее состояние личности. Влияние цели на поведение исследуется в работах Дж. Рутгер [51], А. Бандуры [31]. Когда возникает и утверждается желаемый образ будущего, появляется необходимость поиска способов его достижения. Возникает интерес как активность, направленная на реализацию потребностей социального субъекта [2]. Ценность разных способов ее удовлетворения определяется имеющимися возможностями. Выбор лучшего из них осуществляется в системе ценностных ориентаций. В процессе осознанного выбора возникает мотивация как система *рационального обоснования* человеком требуемых действий. Основой мотивации является совокупность мотивов, в которой представлены ведущие внешние и внутренние причины, влияющие на принятие личностью установки на совершение действий.

Исходя из представлений об общей детерминации поведения людей осуществляется анализ потребностей, целей, ценностных ориентаций, мотивов, определяющих обращение к суррогатному материнству как способу продолжения себя в детях, рожденных женщиной, согласившейся выносить ребенка за других людей. Мотивация использования суррогатного донорства возникает, когда человек, выступающий в роли заказчика, сознательно выбирает этот способ появления своих детей при отсутствии по физиологическим и социокультурным причинам возможности использовать заданный природой способ. У женщин, предоставляющих свое тело для реализации этой потребности, существует своя совокупность разных по содержанию мотивов, определяемых экономическими, социальными, культурными, личностными факторами. Они становятся предметом эмпирических исследований суррогатного материнства.

Репродуктивные мотивы людей классифицируются по-разному. В частности, исследователи выделяют экономические, социальные и психологические мотивы [1]. Эти мотивы определяются представлениями о реализации человеческого капитала при рождении ребенка с помощью суррогатного материнства. *Человеческий капитал* П. Бурдье

рассматривает как основание использования имеющихся материальных, социальных, интеллектуальных ресурсов, которые привлекаются для реализации конкретных целей [4]. Им выделяются три основные формы капитала: экономический, культурный и социальный. При использовании суррогатного материнства заказчик такой услуги должен обладать требуемыми финансовыми возможностями, чтобы обеспечить весь процесс вынашивания и рождения ребенка донором. Женщина, включенная в этот процесс, может рассматриваться как субъект, увеличивающий свой экономический капитал в результате выполнения заказа.

Культурным капиталом П. Бурдьё считал наличие определенного образования и реализацию культурных норм, правил, регулирующих деятельность социального субъекта. Анализируя мотивы обращения к суррогатному материнству, следует выделить такую не только природную, но и *культурную* норму, как наличие у мужчины, женщины своих детей. Во все времена считалось, что человек должен создать семью и родить детей. Их появление рассматривалось как приобретение человеком особого *социального капитала*, который указывал на принадлежность к социальной общности родителей, давших жизнь новому поколению, продолживших свой род. Возникает особый *социальный ресурс*, выражающийся в том, что дети продолжают то, чем занимались их предки, сохраняют культуру не только родителей, но и всего этноса, частью которого они являются.

Для женщин, готовых стать суррогатными матерями, социальным капиталом может стать желание принадлежать к общности тех, кто способен оказать помощь таким людям, исходя из альтруистических мотивов. Они воспринимают свою работу как особую форму социального служения, проявления милосердия, сострадания бесплодным парам.

Раскрывая связь разных форм капитала с появлением и умножением имеющихся ресурсов, П. Бурдьё подчеркивал, что в процессе изменения форм капитала возникают новые ресурсы, особенно в той ситуации, когда существует их дефицит [4]. В прошлом, когда смертность детей была высокой, рождение нового ребенка рассматривалось, в частности, как преодоление дефицита работников в семье и населения в конкретной стране. В настоящее время у человека, обращающегося к суррогатному материнству, мотивом является приобретение желаемого социального капитала благодаря рождению своего ребенка, который выступает ресурсом сохранения себя в потомках, а также заботы и помощи в старости.

Возникает система потребностей, целей, ценностных ориентаций, мотивов, установок, определяющих решение о рождении своих детей. Одной из теорий, раскрывающих этот процесс, является *модель Уоррена Миллера — TDIB (Traits — Desires — Intentions — Behaviour)* [44].

Первым элементом модели являются *личностные черты человека (traits)*, которые могут быть результатом его жизненного опыта, формирующего положительную или отрицательную мотивацию на рождение ребенка. Особенности личности оказывают существенное влияние на формирование второго элемента — *сознательного желания (desires)* иметь детей, а также на их количество и время появления на свет.

Третьим элементом модели являются *конкретные намерения (intentions)*, анализ которых позволяет более точно предсказать выбор того или иного репродуктивного поведения, включая суррогатное материнство, поскольку они носят более осознанный характер и отражают высокую степень уверенности в наличии готовности заботиться о будущем ребенке [37]. У. Миллер считает, что мотивация может иметь интринсивный (деторождение рассматривается как основная цель) или экстринсивный характер (деторождение является средством достижения иных, весьма разных по содержанию целей) [37].

Ценность родительства: осознанный выбор

Анализ различных трактовок мотивации рождения детей — в частности, с помощью суррогатного материнства — раскрывает внутреннюю необходимость людей, не имеющих возможности реализовать эту цель традиционным способом. Благодаря содействию женщин, готовых выносить для них ребенка, родители могут продолжить себя в потомках, передать им то, что они создали в течение жизни для удовлетворения как своих материальных, духовных интересов, так и интересов наследников.

Финские исследователи выявили мотивы поведения, определяющего феномен *baby fever* — стремление обязательно иметь детей, используя в крайнем случае суррогатное материнство [50]. Было обнаружено, что часть женщин руководствуются в первую очередь не рациональными, а эмоциональными/психологическими аспектами при возникновении желания иметь ребенка. Стремление иметь детей осмысляется как сильное и безотлагательное, «максимально интенсивное желание стать родителем» [50, с. 286].

Несмотря на распространенное убеждение, что настоятельное стремление к деторождению характерно прежде всего для женщин, исследователями было обнаружено, что почти каждый второй опрошенный финский мужчина выражал это желание [50, с. 284].

Особое место в этих мотивах занимает *осознание ценности детей (value of children — VoC)*, которая изучалась В. Хоффманом и М. Хоффманом [41; 42]. Исследователями было выделено девять составляющих в представлениях о социокультурной ценности ребенка:

- 1) подтверждение при его появлении своего «взрослого» статуса и социальной идентичности;

2) продолжение себя в детях и обеспечение тем самым определенного бессмертия;

3) моральная оправданность своих действий, направленных на заботу о детях, выполнение связанных с этим религиозных требований;

4) создание своей первичной социальной группы, чувство принадлежности к ней;

5) успешность и творчество в процессе выполнения родительского труда как способ самореализации;

6) радость от новизны и непредсказуемости опыта родительства (дети привносят в жизнь взрослых новые впечатления, обогащают ее);

7) влияние на других (родители воспитывают и учат своих детей, направляя их социализацию);

8) включение в социальную конкуренцию в процессе предоставления детям помощи, поддержки в их самоутверждении, самореализации, достижении более высоких результатов, чем у выходцев из других семей;

9) экономическая полезность от их достижений, передача им по наследству того, что накоплено родителями [41].

Другие исследователи при изучении ценности родительства выделяют экономический, психологический и социальный факторы [29; 45]. Указывается, что деторождение определяется следующими детерминантами: биологическим (фертильность партнеров, их возраст), социально-экономическим (доступность медицинских технологий, позволяющих решить эту задачу, если имеются заболевания, не позволяющие естественным путем забеременеть и выносить ребенка), психологическим (желание иметь ребенка).

Развивая общую теорию ценности детей, Дебра Фридман и ее коллеги пришли к выводу, что в ней не в полной мере учитываются глубинные, не всегда осознаваемые людьми психологические факторы мотивации рождения потомства [38]. Они предложили свою теорию родительства как снижения социальной неопределенности личности (*uncertainty reduction theory of parenthood*), связывающую ценность детей с мотивацией снижения неопределенности в результате приобретения нового социального капитала. «Иметь ребенка значит осуществить переход своей жизни от неопределенности до достаточно высокой определенности» [38, с. 383].

Существуют и другие теории изучения мотивации стать родителями. Теория управления страхом смерти (*terror management theory* — ТМТ), разработанная Джеффом Гринбергом и его коллегами, объясняет мотивацию родительства страхом неизбежности смерти личности и необходимостью продолжения себя — хотя бы частично — в детях [40].

Следует отметить попытку применить разные теории мотивации при разработке методики изучения конкретных мотивов репродуктивного поведения. Франком ван Баленом и Труди Тримбос-Кемпер [8] был предложен «Перечень мотивов родительства» (*parenthood-motivation list*), составленный в результате исследования рождаемости в Нидерландах. Разработанный ими опросник включал открытые вопросы о преимуществах и недостатках родительства.

**Мотивация суррогатного материнства:
«мое тело — мое дело», или «хочу помочь»**

Мотивация суррогатного материнства для удовлетворения потребности других людей в детях отличается обязательным включением в процесс ряда субъектов. Основная причина этого взаимодействия — то, что официально разрешенное репродуктивное донорство является элементом технологий, использование которых разрешается специально подготовленным медицинским работникам.

Суррогатное материнство представляет собой добровольное предоставление здоровым человеком своего организма для оказания помощи нуждающимся. Эта процедура регулируется юридическими нормами, специальными правилами подбора женщин, способных выносить и родить здорового ребенка. Поэтому анализ характеристик суррогатного материнства как социокультурного явления включает его рассмотрение в системе взаимодействия следующих субъектов: 1) врачей, владеющих знаниями, умениями, необходимыми для получения нужного результата с помощью медицинских манипуляций; 2) женщины, готовой предоставить свое тело для вынашивания и рождения ребенка; 3) специалистов, создающих необходимые условия; 4) заказчиков, предоставляющих свой генетический материал для рождения ребенка; 5) людей, контролирующих соблюдение норм и правил, обеспечивающих права и обязанности всех участников этой деятельности.

Все эти характеристики суррогатного материнства как социокультурного явления определяют возникновение и утверждение мотивации женщин в предоставлении своего тела для рождения чужого ребенка. Внешняя необходимость выражается в наличии потребности людей, нуждающихся в суррогатном материнстве. Она осознается как фактор, побуждающий определенную часть женщин выяснить возможности оказания им личной помощи. Под влиянием информации об этом, а также экономических, моральных факторов возникает внутренняя необходимость стать суррогатной матерью. Под ее воздействием формируется потребность включиться в процесс предоставления этой услуги. Возникает принятие ценности выношенного тобой ребенка для других людей. Утверждается ценностная ориентация на предоставление своего тела для вынашивания ребенка, зачатого с помощью генетического материала будущих родителей. Далее возникает устойчивая мотивация личности на суррогатное материнство, включающая

рациональное и чувственно-эмоциональное обоснование ее целей, ценностей, выбранного способа оказания помощи людям, желающим стать родителями. Таким образом можно описать «идеальную» мотивацию суррогатного материнства.

С точки зрения мотивации необходимо отметить наличие двух внешне противоположных моделей суррогатного материнства: альтруистическое, которое преобладает в большинстве западных стран, и коммерческое, более распространенное в странах развивающихся. Главный вопрос здесь — доверие к суррогатной матери, руководствующейся исключительно альтруистическим стремлением «подарить жизнь» и помочь другим, в противоположность суррогатной матери, для которой приоритетным является вопрос о финансовом вознаграждении [54]. Значимым фактором, обуславливающим мотивацию суррогатных матерей, таким образом, выступает законодательная база каждого конкретного государства. В странах, где коммерческое суррогатное материнство запрещено (Великобритания, Греция, Израиль, ЮАР и проч.), законы о нем акцентируют прежде всего альтруистические мотивации [34], хотя и признают необходимость финансовой компенсации суррогатной матери за расходы на медицинское обслуживание, питание, транспорт, покупку одежды для беременных. В таких странах «хорошая» суррогатная мать концептуализируется как «свободно отдающая себя ради блага других, не желающая и не получающая ничего взамен» [56].

В связи с тем что в ситуации суррогатного материнства женщина по своему желанию распоряжается своим организмом (телом), следует обратиться к изучению телесности в науках о человеке. Современное понимание тела как продукта определенной культуры, а не только природы опирается на следующие фундаментальные основания. Во-первых, это средство коммуникации, с помощью которого индивиды/группы передают информацию о себе через мнение окружающих людей [11]. Во-вторых, социальное тело предстает как взаимосвязь природного и культурного/социального [53]. Тело становится объектом, которым распоряжается индивид по своему усмотрению. П. Бергер и Т. Лукман замечают, что «человек воспринимает себя как существо, не идентичное своему телу, а, напротив, имеющее это тело в своем распоряжении» [32].

Конструирование желаемого тела осуществляется с помощью необходимых *социальных действий*. Э. Дюркгейм считал, что действия и поведение человека жестко детерминированы социальной средой [9]. Исследованию теории социального действия уделил большое внимание Т. Парсонс. Он выделил в «системе человеческих действий» социальную, культурную и личностную подсистемы [21].

В современных социологических концепциях (Дж. Александер, А. Турен, Ю. Хабермас и др.) предпринимается попытка раскрыть

особенности социальных действий как с учетом объективных факторов (социальных фактов), так и с помощью потребностно-мотивационного подхода.

В работах М. Фуко раскрыты различные виды телесных практик через концептуализацию отношений между разными социальными субъектами. Исходя из этого можно выделить особенности практик взаимодействия людей, желающих иметь своих детей, с женщинами, готовыми стать суррогатными матерями для реализации потребностей заказчика обрести радость родительства.

Те женщины, которые предоставляют свое тело для рождения ребенка другим людям, проявляют особую форму благотворительности. Роль религиозных факторов в проявлении благотворительности раскрыл М. Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма» [6]. Важнейшей особенностью данной мотивации является готовность поделиться своими биологическими возможностями *добровольно*, испытывая сострадание к другим людям. Это сформированное культурой чувство побуждает согласиться на боль, страдания, снижение уровня своего личного здоровья, которые могут сопровождать процесс вынашивания ребенка. Повышается уровень осознанности деятельности, которой женщина занимается ради помощи нередко незнакомым ей людям. Мотивация суррогатного материнства усиливается переживанием таких нравственных чувств, как милосердие, сочувствие, совесть, долг, ответственность, составляющих сущность культуры сотрудничества [18, с. 190–195].

Свой – чужой ребенок: проблемы идентификации суррогатных матерей

Мотивация суррогатных матерей может определяться не только альтруистическими, но и сугубо экономическими побуждениями. Такая деятельность рассматривается как вид женской занятости. В этом случае женщина, вынашивающая для других ребенка, относится к этому процессу как к обычной работе, за которую получает удовлетворяющую ее потребности плату [22]. При этом не должны ущемляться интересы и права рожденного ребенка и ее собственных детей. Однако следует также учитывать проблему, которая может возникнуть из традиционного материнского приоритета женщины, родившей ребенка. Она может предъявить свои права на него [55], так как возможно включение инстинкта идентификации ребенка с собой.

Обратимся к трактовкам сущности и особенностей идентификации личности. В работах М. Хайдеггера данное явление трактуется как отождествление социального субъекта с самим собой, с представителями разных общностей [27]. Э. Эриксон рассматривал идентичность как процесс и результат внутренней солидарности индивида с ценностями определенных групп, их идеалами и стандартами [28]. При этом

происходят, с одной стороны, самоузнавание и самоосмысление своей схожести с другими людьми, а с другой — понимание своей уникальности, так как проявляется индивидуальная форма реализации общих с группой ценностей. Все это происходит при социализации личности в процессе приобщения к определенной культуре. З. Фрейд считал, что у детей самоидентификация представляет собой бессознательный процесс отождествления с родителями [26, с. 56]. Это же может происходить у матерей, отцов, которые считают, что дети, наследуя их генетические программы, являются как бы их частью.

У суррогатных матерей в процессе идентификации себя как матери рожденного для других людей ребенка возникает выбор между отождествлением ребенка под влиянием природного инстинкта с собой или отождествлением ребенка с теми, чьи оплодотворенные клетки она вынашивала в своем организме. С точки зрения заказчиков, по правилам договора, который потенциальная суррогатная мать заключает с ними, она должна руководствоваться нормами права, а не инстинктами.

Это подчеркивал Т. Парсонс, считая, что социальная идентичность представляет собой систему кодов, правил, с помощью которых обеспечивается принятое социумом поведение личности, выполняющей определенную роль [20]. Р. Мертон подчеркивал, что в этом случае индивид принимается как член конкретной группы, в частности женщин, помогающих бесплодным парам стать родителями своих детей [19]. В связи с этим Э. Гидденс отмечал важность сознательного выбора тех ценностей, которыми человек руководствуется при идентификации себя с той или иной общностью в конкретной жизненной ситуации [23]. При этом, по мнению И. Гофмана, может появиться «реальная» и «виртуальная» идентичность [7]. Реальная выражает относительно устойчивое внутреннее содержание личности, а виртуальная содержит образы, которые необходимы для того, чтобы создать желаемое впечатление индивида о себе («представление себя другим»). Развивая эту идею в концепции «борьбы идентичностей», Р. Фогельсон выделил четыре разновидности идентичности: реальную, идеальную, негативную и предьявляемую [36]. Идеальная идентичность выражается в наличии желания полностью соответствовать нормам определенной социальной группы; реальная проявляется в степени реализации этой цели; предьявляемая характеризуется стремлением внешне продемонстрировать требуемое поведение; негативная выступает в форме отказа от действий, подавляющих индивидуальность личности.

Каждая разновидность идентичности формируется в процессе целенаправленного воздействия социальных институтов и влияния стихийных агентов социализации. Индивид принимает определенные стандарты поведения, расширяет представления об образе жизни, потребительских ценностях, усваивает определенные стереотипы

сознания и поведения, включаясь в локальные и глобальные коммуникационные потоки [12]. Механизм возникновения и разрушения стереотипов характеризуется особым взаимодействием чувственно-эмоциональных и рациональных компонентов [15].

Их противоречивое сочетание проявляется в поведении суррогатных матерей, которые под воздействием чувственного фактора могут считать родившегося ребенка «своим», а рациональное осмысление реальности требует воспринимать его как «чужого», предназначенного тем, чьи гены он несет в себе. В этом случае, на наш взгляд, действует предложенная Ж.Т. Тошенко характеристика любой идентичности (гендерной, родительской, национальной, профессиональной и т. п.). Она предполагает наличие трех факторов, которые мы можем применить к идентификации женщины в качестве суррогатной матери. Это «Я-фактор» — когда женщина не только считает себя частью сообщества людей, которые занимаются такой формой помощи бесплодным парам, но и демонстрирует это при выполнении требований договора о суррогатном материнстве. «Мы-фактор» — когда люди, с которыми она взаимодействует — медицинские специалисты, юристы, родственники, информированные о принятии такого решения, — принимают его и содействуют реализации. Наконец, «Они-фактор» — когда положение суррогатной матери признают посторонние — третьи — лица (например, формирующие общественное мнение) [24]. Общественное мнение может быть вариативным, так как в нашей стране у людей существуют весьма разные представления о том, при каких условиях возможно использовать суррогатное материнство тем, кто не может по разным причинам самостоятельно родить своего ребенка.

Заключение

Проведенный анализ существующих в зарубежной и отечественной литературе теоретических подходов к выявлению совокупности социокультурных факторов, влияющих на мотивацию суррогатного материнства, позволил выявить содержание потребностей, целей, ценностных ориентаций, которые в настоящее время обосновывают необходимость применения данной вспомогательной репродуктивной технологии в нашей стране. Рассмотренные теории позволяют определить особенности мотивации супружеских пар, мужчин и женщин, которые вынуждены обращаться к женщинам, согласным оказать им помощь в появлении собственных детей. Исходя из этих теорий также можно раскрыть содержание мотивов женщины, побуждающих ее стать суррогатной матерью. Эти мотивы могут противоречиво проявлять как альтруистическую направленность, так и коммерческую, побуждая в каждой конкретной жизненной ситуации находить оптимальные варианты удовлетворения интересов всех участников реализации данной технологии повышения рождаемости.

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ³

1. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ, 1996. — 304 с.
2. Арефьева Г.С. Социальная активность. М.: Высшая школа, 1974. — 142 с.
3. Буюева Л.П. Человек, деятельность и общение. М.: Мысль, 1978. — 216 с.
4. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология // Электронный журнал. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.03.2023. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/670/586/1234/ecsoc_t3_n5.pdf EDN: OYUVRD
5. Валидова А.Ф. Влияние «материнского капитала» на рождаемость по данным российских обследований домохозяйств // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития: сборник статей IX Уральского демографического форума: в 2-х т. Т. 1. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2018. С. 506–513. EDN: JQGXVN
6. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Пер. с англ. М.И. Левина. М.: АСТ, 2021. — 352 с.
7. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. А.Д. Ковалева; Ин-т социологии РАН [и др.]. М.: РГБ, 2007 — 302 с. EDN: QONBER.
8. Данина М.М., Кисельникова Н.В., Голзицкая А.А., Куминская Е.А., Маркова С.В., Карпинский К.В., Кольшко А.М. Современное состояние исследований в области регуляции репродуктивного поведения супругов // Национальный психологический журнал. 2016. Т. 2. № 22. С. 73–83. DOI: 10.11621/npj.2016.0207 EDN: XEPJRB
9. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. А.Б. Гофман. М.: Наука, 1990. — 575 с.
10. Здравомыслов А.Г. Интерес как категория исторического материализма // Вестник ЛГУ. Сер. Философия. 1959. № 3. С. 163–166.
11. Зиммель Г. Из «Экскурса о социологии чувств» / Пер. с нем. К.А. Левинсона [электронный ресурс]. Дата обращения 15.03.2023. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/7.html>
12. Лакизо Е.А. Направления и ориентиры социальной идентификации личности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. 2015. № 2 (28). С. 108–115.
13. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции. М.: Изд-во Московского Университета, 1971. — 40 с.
14. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. — 478 с.
15. Меренков А.В. Социология стереотипов. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. — 290 с.
16. Меренков А.В. Система детерминации человеческой деятельности. Екатеринбург: Изд-во Уральской горно-геологической академии: Банк культурной информации. 2003. — 229 с. EDN: UCOMHT

³ Полный список литературы см. в References.

17. *Меренков А.В.* Человек: взаимосвязь природного и социокультурного. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного горного университета, 2007. — 279 с. EDN: RXJVTP
18. *Меренков А.В.* Культура эгоизма или культура сотрудничества: какая побеждает? Монография. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2021. — 276 с. EDN: DXMCLP
19. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е.Н. Егоровой; Науч. ред. З.В. Коганова. М.: АСТ, Хранитель, 2006. — 873 с.
20. *Парсонс Т.* О структуре социального действия / Под общ. ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. М.: Академический проект, 2000. — 880 с.
21. *Парсонс Т.* Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем / Пер. с англ. Г. Беляева // Американская социологическая мысль / Сост. Е.И. Кравченко; Под ред. В.И. Добренкова. М.: Мысль, 1994. С. 448–464.
22. *Русанова Н.Е.* Репродуктивные возможности демографического развития. М.: Спутник, 2008. — 333 с. EDN: QOPHYD
23. *Селеткова Г.И.* Социальная идентификация в социогуманитарном дискурсе // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2013. № 19 (46). С. 69–80.
24. *Тощенко Ж.Т.* Религиозная идентичность и бюрократия // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Российская академия наук, Ин-т социологии. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. С. 49–68. EDN RZNQFN
25. *Тювина Н.А., Николаевская А.О.* Психоневрологические, морально-этические и социокультурные аспекты вспомогательных репродуктивных технологий // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика, 2020. Т. 12. № 5. С. 104–110. DOI: 10.14412/2074-2711-2020-5-104-110 EDN: OETDMU
26. *Фрейд З.* Массовая психология и анализ человеческого Я / Пер. с нем. Л. Голлербах // Фрейд З. Избранное / Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г. Ярошевский. М.: Наука, 1990. — 448 с.
27. *Хайдеггер М.* Тождество и различие / Пер. с нем. А. Денежкин; Науч. ред. О. Никифоров. М.: Гнозис, 1997. — 64 с. [электронный ресурс]. Дата обращения 20.08.2011. URL: <http://www.philosophy.ru/library/heideg/tozh-i-dif.html>
28. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. А.В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. — 344 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Меренков Анатолий Васильевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Телефон: +7 (343) 389-97-56. **Электронная почта:** anatoly.mer@gmail.com

Полякова Ирина Геннадьевна — кандидат социологических наук, научный сотрудник, Межрегиональный институт общественных наук, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Телефон: +7 (912) 246-46-47. **Электронная почта:** irinapolykova@yandex.ru

Дата поступления: 19.05.2023.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.

VOL. 29. No. 3. P. 49–69. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.3

Research Article

ANATOLY V. MERENKOV¹, IRINA G. POLYAKOVA¹

¹ Ural Federal University.

51, Lenina str., 620083, Yekaterinburg, Russian Federation.

THEORETICAL APPROACHES TOWARDS STUDYING MOTIVATION FOR SURROGATE MOTHERHOOD

Abstract. Population increase in Russia is one of the key strategies that determine state demographic policy. Modern advancements in medical science make it possible to use various technologies that allow men and women who are unable to conceive for medical reasons to find joy in parenthood. The article discusses theories that reveal the essence and content of people's need to reproduce and live on in future generations by means of using such technology as surrogate motherhood.

The research analysis is rooted in the methodology for studying specific social phenomena based on the general theory of human activity determination developed within sociology and psychology: the role of external and internal necessity, needs in shaping the motivation for resorting to surrogate motherhood (A. Zdravomyslov, A. Merenkov). The article points out the importance of the human instinct to continue oneself in subsequent generations.

The influence of needs when it comes to forming the motivation for certain human behavior is analyzed based on theoretical provisions (G. Arefiev, A. Bandura, A. Maslow, A. Leontiev) that reveal the process of conscious search for ways to satisfy different needs whenever it is possible. The emergence of medical technology allowing for the birth of a child with the help of a woman whose body, upon receiving someone else's genetic material, is able to perform this function, forms different motives for the customer and whomever is performing such a task. P. Bourdieu's theory of social capital helps to identify a set of economic, social, and cultural conditions that determine the content of external and internal factors that contribute to a system of interaction between these social actors. Specific motives for people having their own children are analyzed by W. Miller, D. Friedman, J. Greenberg. The research into women's motivation for surrogate motherhood is based on works by P. Berger, T. Luckman, M. Fouquet, who studied the modern trend of using a person's body to fulfill various needs. At the same time, the surrogate mother may develop different forms of identifying herself with the born child. The analysis of these contradictions is carried out based on conceptions of identity by M. Heidegger, E. Erickson, E. Giddens, J. Toshchenko.

It is concluded that the use of different theoretical approaches to identifying the social and cultural factors which impact motivation for surrogate motherhood results in high-

quality empirical research that reveals the specifics of using this assisted reproductive technology in Russia.

Key words: motivation; motivation theories; parenthood; assistive medical technologies; children; need for one's own children; surrogate motherhood.

For citation: Merenkov, A.V., Polyakova, I.G. Theoretical Approaches towards studying Motivation for Surrogate Motherhood. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 3. P. 49–69. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.3

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation No. 23-28-01035, <https://rscf.ru/project/23-28-01035/>

REFERENCES

1. Antonov A.I., Medkov V.M. *Sotsiologiya sem'i*. [Sociology of the family.] Moscow: MGU publ. 1996. 304 p. (In Russ.)
2. Arefieva G.S. *Sotsial'naya aktivnost'*. [Social activity.] Moscow: Vysshaya shkola publ., 1974. 142 p. (In Russ.)
3. Bueva L.P. *Chelovek, deyatel'nost' i obshchenie*. [Man, activity and communication.] Moscow: Mysl' publ., 1978. 216 p. (In Russ.)
4. Bourdieu P. Forms of capital. *Ekonomicheskaya sotsiologiya. Elektronnyi zhurnal*. 2002. Vol. 3. No. 5. P. 60–74. Accessed 03.30.2023. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/670/586/1234/ecsoc_t3_n5.pdf (In Russ.)
5. Validova A.F. The influence of “maternity capital” on the birth rate according to Russian household surveys. *Demograficheskaya i semeinaya politika v kontekste tselei ustoychivogo razvitiya: sbornik statei IX Ural'skogo demograficheskogo foruma: v 2-kh tomakh*. [Demographic and family policy in the context of sustainable development goals: collection of articles of the IX Ural Demographic Forum: in 2 volumes.] Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN publ., 2018. Vol. 1. P. 506–513. (In Russ.)
6. Weber M. Protestant ethics and the spirit of capitalism. [Russ. ed.: *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma*. Transl. from Eng. by M.I. Levina. Moscow: AST publ., 2021. 352 p.]
7. Hoffman I. Presenting yourself to others in everyday life. [Russ. ed.: *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni*. Transl. from Eng. by A.D. Kovalev; Institute of Sociology RAS [and others.] Moscow: RSL publ., 2007. 302 p.] (In Russ.)
8. Danina M.M., Kiselnikova N.V., Golzitskaya A.A., Kuminskaya E.A., Markova S.V., Karpinsky K.V., Kolyshko A.M. The current state of research in the field of regulation of reproductive behavior of spouses. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*. 2016. Vol. 2. No. 22. P. 73–83. DOI: 10.11621/npj.2016.0207 (In Russ.)
9. Durkheim E. On the division of social labor. Method of sociology. [Russ. ed.: *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii*. Transl. from French by A.B. Gofman. Moscow: Nauka publ., 1990. 575 p.] (In Russ.)
10. Zdravomyslov A.G. Interest as a category of historical materialism. *Vestnik LGU. Ser. Filosofiya L*. [Bulletin of Leningrad State University. Ser. Philosophy.] 1959. No. 3. P. 163–166. (In Russ.)
11. Simmel G. From the “Excursus on the Sociology of Feelings”. [Russ. ed.: *Iz “Ekskursa o sotsiologii chuvstv”*. Transl. from Germ. by K.A. Levinson. Accessed 03.15.2023. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/7.html>]
12. Lakizo E.A. Directions and guidelines for the social identification of the individual. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 7, Filosofiya*. [Bulletin of the Volgograd State University. Ser. 7, Philosophy.] 2015. No. 2 (28). P. 108–115. (In Russ.)
13. Leontiev A.N. *Potrebnosti, motivy, emotsii*. [Needs, motives, emotions.] Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta publ., 1971. 40 p. (In Russ.)

14. Maslow A. *Motivatsiya i lichnost'*. [Motivation and personality.] St Petersburg: Eurasia publ., 1999. 478 p. (In Russ.)
15. Merenkov A.V. *Sotsiologiya stereotipov*. [Sociology of stereotypes.] Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta publ., 2001. 290 p. (In Russ.)
16. Merenkov A.V. *Sistema determinatsii chelovecheskoi deyatel'nosti*. [The system of determination of human activity.] Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skoi gorno-geologicheskoi akademii: Bank kul'turnoi informatsii publ., 2003. 229 p. (In Russ.)
17. Merenkov A.V. *Chelovek: vzaimosvyaz' prirodnogo i sotsiokul'turnogo*. [Man: the relationship of natural and socio-cultural.] Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo gosudarstvennogo gornogo universiteta publ., 2007. 279 p. (In Russ.)
18. Merenkov A.V. *Kul'tura egoizma ili kul'tura sotrudnichestva: kakaya pobezhdaet? Monografiya*. [Culture of selfishness or culture of cooperation: which one wins? Monograph.] Yekaterinburg: Ural. un-t publ., 2021. 276 p. (In Russ.)
19. Merton R. Social theory and social structure. [Russ. ed.: *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura*. Transl. from Eng. by E.N. Egorov; Scientific ed. by Z.V. Koganov. Moscow: AST, Khranitel' publ., 2006. 873 p.]
20. Parsons T. On the structure of social action. [Russ. ed.: *O strukture sotsial'nogo deistviya*. Ed by. B.F. Chesnokova, S.A. Belanovskiy. Moscow: Academicheskii proect publ., 2000. 880 p.]
21. Parsons T. The coordinate system of action and the general theory of action systems: culture, personality and the place of social systems. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'*. [American Sociological Thought.] Transl. from Eng.; Select. by E.I. Kravchenko; Ed. by V.I. Dobrenkov. Moscow: Mysl' publ., 1994. P. 448–464.
22. Rusanova N.E. *Reproduktivnye vozmozhnosti demograficheskogo razvitiya*. [Reproductive possibilities of demographic development.] Moscow: Sputnik publ., 2008. 333 p. (In Russ.)
23. Seletkova G.I. Social identification in socio-humanitarian discourse. *Vestnik PNIPU. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 2013. No. 19 (46). P. 69–80. (In Russ.)
24. Toshchenko Zh.T. Religious identity and bureaucracy. *Religiya v samosoznanii naroda (religioznyi faktor v identifikatsionnykh protsessakh)*. [Religion in the Self-Consciousness of the People (Religious Factor in Identification Processes).] Russian Academy of Sciences, Institute of Sociology. Moscow: Institut sotsiologii RAN publ., 2008. P. 49–68. EDN RZNFQFN. (In Russ.)
25. Tyuvina N.A., Nikolaevskaya A.O. Autonomous District. Psychoneurological, moral, ethical and sociocultural aspects of assisted reproductive technologies. *Nevrologiya, neiropsikhiatriya, psikhosomatika*. [Neurology, neuropsychiatry, psychosomatics.] 2020. Vol. 12. No. 5. P. 104–110. DOI: 10.14412/2074-2711-2020-5-104-110 (In Russ.)
26. Freud Z. Massenpsychologie und Ich-Analyse = Mass psychology and analysis of the human self. Freud Z. *Favorites*. Transl. from Germ. by L. Gollerbakh; Select., ed., foreword by M.G. Yaroshevskiy. Moscow: Nauka publ., 1990. 448 p. (In Russ.)
27. Heidegger M. Identität und Differenz = Identity and difference. [Russ. ed.: *Tozhdestvo i razlichie*. Transl. from Germ. by A. Denezkin; Ed. by O. Nikiforov. Moscow: Gnozis publ., 1997. 64 c.] Accessed 20.08.2011. URL: <http://www.philosophy.ru/library/heideg/tozh-i-dif.html>
28. Erikson E. Identity: youth and crisis. [Russ. ed.: *Identichnost': yunost' i krizis*. Transl. from Eng. by A.V. Tolstykh. Moscow: Progress publ., 1996. 344 p.]
29. Arnold F., Bulatao R.A., Buripakdi C., Chung B.J., Fawcett J.T. *The Value of Children: A Cross-National Study*. Honolulu: East-West Center, 1975. 251 p.
30. Kagitcibasi C. Sex Roles, Values of Children, and Fertility. *Sex roles, family & community in Turkey*. Ed. by C. Kagitcibasi. Bloomington: Indiana University Press, 1982. P. 151–180. DOI: 10.1017/S0020743800030804

31. Bandura A. *Self-efficacy: The exercise of control*. N. Y.: Freeman, 1997. 604 p.
32. Berger P.L., Luckmann T. *The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge*. L.: Penguin Books, 1966. 240 p.
33. Brunet L., Carruthers J., Davaki K., King D., Marzo C., McCandless J. *A Comparative Study on the Regime of Surrogacy in EU Member States*. Luxembourg: European Parliament, 2013. 378 p.
34. Fayemi A.K., Chimakonam A.E. Global justice in the context of transnational surrogacy: an African bioethical perspective. *Theoretical Medicine and Bioethics*. 2022. No. 43. P. 75–93. DOI: 10.1007/s11017-022-09581-4
35. Fenigstein A. Self-consciousness, self-attention and social interaction. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1979. Vol. 37 (1). P. 75–86. DOI: 10.1037/0022-3514.37.1.75
36. Fogelson R.D. Person, Self and Identity. Some Anthropological Retrospects, Circumspects and Prospects. *Psychosocial Theories of the Self*. N. Y.; L.: Plenum Press, 1982. P. 64–87. DOI: 10.1007/978-1-4684-4337-0_5
37. Freitas R., Testa M.R. Fertility desires, intentions and behaviour: a comparative analysis of their consistency. *Vienna Institute of Demography. Working Papers*. 2017. Vol. 4. P. 1–31. DOI:10.1553/0x003cd010
38. Friedman D., Hechter M., Kanazawa S. A theory of the value of children. *Demography*. 1994. Vol. 31. P. 375–401. DOI: 10.2307/2061749
39. Froming W.J., Carver C.S. Divergent influences of private and public self-consciousness in a compliance paradigm. *Journal of Research in Personality*. 1981. Vol. 15 (2). P. 159–171. DOI: 10.1016/0092-6566(81)90015-5
40. Greenberg J., Solomon S., Pyszczynski T. Terror management theory of self-esteem and cultural worldviews: empirical assessments and conceptual refinements. *Advances in Experimental Social Psychology*. 1997. Vol. 29. P. 61–139. DOI:10.1016/S0065-2601(08)60016-7
41. Hoffman L.W., Hoffman M.L. The value of children to parents. *Psychological perspectives on population*. Ed. by J. Fawcett. N. Y.: Basic Books. 1973. P. 19–76.
42. Hoffman L.W., Thornton A., Manis J.D. The value of children to parents in the United States. *Journal of Population*. 1978. Vol. 1 (2). P. 91–131. DOI: 10.1007/BF01277597
43. Lewis S.A., Langan C.J., Hollander E.P. Expectations of future interaction and the choice of less desirable alternatives in conformity. *Sociometry*. 1972. Vol. 35. P. 440–447. DOI: 10.2307/2786504
44. Miller W.B. Comparing the TPB and the T-D-I-B Framework. *Vienna Yearbook of Population Research*. 2011. Vol. 9. P. 19–29. DOI:10.2307/41342799
45. Nauck B. Intergenerational relationships in families from Turkey and Germany: An extension of the ‘value of children’ approach to educational attitudes and socialization practices. *European Sociological Review*. 1989. Vol. 5 (3). P. 251–274. DOI: 10.1093/oxfordjournals.esr.a036525
46. Peng L. Surrogate mothers: An exploration of the empirical and the normative. *American University Journal of Gender, Social Policy and Law*. 2013. Vol. 21 (3). P. 555–583.
47. Petri H., Govern J. *Motivation: Theory, research, and application*. 6th ed. Belmont, CA: Wadsworth Cengage Learning, 2013. 496 p.
48. Prentice-Dunn S., Rogers R.W. Effects of public and private self-awareness on de-individuation and aggression. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1982. Vol. 43 (3). P. 503–513. DOI: 10.1037/0022-3514.43.3.503
49. Reeve J. *Understanding motivation and emotion*. 4th ed. N. Y.: Wiley, 2005. 576 p.
50. Rotkirch A. Baby fever and men’s reproductive motivation. *Vienna Yearbook of Population Research*. 2011. Vol. 9. P. 283–306. DOI: 10.1553/populationyearbook2011s283

51. Rotter J.B. Some implications of a social learning theory for the prediction of goal directed behaviour from testing procedures. *Psychological Review*. 1960. Vol. 67 (5). P. 301–316. DOI: 10.1037/h0039601
52. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist*. 2000. Vol. 55 (1). P. 68–78. DOI:10.1037/0003-066X.55.1.68
53. Turner B.S. *The Body and Society: Explorations in Social Theory*. 3th ed. L.: SAGE Publications Ltd, 2008. 296 p. DOI: 10.1177/1357034X08093575
54. van Zyl L., Walker R. Beyond altruistic and commercial contract motherhood: the professional model. *Bioethics*. 2013. Vol. 27 (7). P. 373–381. DOI: 10.1111/j.1467-8519.2012.01962.x
55. van Zyl L., Walker R. The future of surrogacy in New Zealand — Beyond the adoption model. *Women's Studies Journal*. 2015. Vol. 29 (1). P. 45–48.
56. Walker R., van Zyl L. *Towards a Professional Model of Surrogate Motherhood*. L.: Palgrave Macmillan: 2017. 296 p. DOI: 10.1057/978-1-137-58658-2

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anatoly V. Merenkov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Chair of Applied Sociology, Ural Federal University. **Phone:** +7 (343) 389-97-56.
Email: anatoly.mer@gmail.com

Irina G. Polyakova — Candidate of Sociological Sciences, affiliation researcher, Center for Advanced Studies, Ural Federal University. **Phone:** +7 (912) 246-46-47.
Email: irinapolykova@yandex.ru

Received: 19.05.2023.
